

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Крюков Алексей Михайлович

**Ученая традиция и провинциальные реалии
в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата
(1182–1205 гг.)**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(Средние века)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители —
академик РАН, профессор
С.П. Карпов;
доктор исторических наук,
профессор И.С. Чичуров

Москва — 2015

ИЗБРАННЫЕ ОГЛАШЕНИЯ
МИХАИЛА ХОНИАТА

ОГЛАШЕНИЕ I

1. Говорят, что моряки, отправляющиеся по торговым делам в изобилующие хищными животными воды Красного моря, помещают на носу и на корме колокольчики, которые служат защитой для судов и охраной для них самих, ибо звук колокольчиков пугает обитающих в море чудовищ и не позволяет им приблизиться к кораблю¹. Так и Христос, владычествующий над нашей Церковью, направляет ее, словно некое судно, наполненное множеством прекрасных товаров, а из-за зверей, обитающих посреди нашего жития, приспособляет к ней то там, то здесь охранные колокольчики, все без исключения достаточно звонкие, чтобы напугать и прогнать любого злоумышленника. Поскольку же и меня, хоть и не обладающего таким благозвучием, как другие, по ведомым Ему причинам назначил Он в недавнее время для такого же служения, то по необходимости следует, чтобы и я всё время и, если возможно, непрерывно издавал звуки, пытаюсь поразить и отогнать всех чудовищ, угрожающих поглотить настоящий корабль, разумеешь ли под ними невещественных китов, коими властвует Левиафан, змий лукавый, бегущий в водах (ср. Ис. 27, 1), или же действующие внутри нас страсти, которые ничуть не хуже него способны поглотить нас и направить к гибели.

2. И, конечно, особенно громко и звонче тирренской трубы² надлежит мне петь в настоящее время, когда мы намереваемся пересечь широко распростертую и бескрайнюю гладь поста, где одни из страшных зверей нападают открыто, как чревоугодие и гортанобесие, другие же незаметно скрываются в засаде, каковы, конечно, гордость из-за воздержания от пищи или тщеславие, незаметно подмывающее душу постника, чтобы привести ее в землю, *еяже верей ея заклеи вечнии* (Иона 2, 7). И не только эти, но и множество других.

3. Посему я, делая свое дело, издам отзвук, и пускай этот голос для упомянутых зверей окажется страшным и обращающим в бегство, а для вас, которым предстоит приобрести такую великую ценность, как пост, — охранительным и спасительным, чтобы мне, как говорится, не звучать впустую и не заслужить названия *меди звенящей и кимвала звучащего* (1 Кор. 13, 1).

4. Итак, показывать вам величайшую древность поста, который является ровесником человеческого естества, и на этом основании призывать вас оказать ему более теплый прием было бы, как мне кажется, излишне и не ко времени. Ведь не до такой степени позабыли вы об Эдеме, нашем истинном отечестве, беглецами из коего мы скитаемся здесь, изгнанные не по какой иной причине, как из-за того, что, презрев воздержание, назначенное там в качестве закона, вкусили запретного яства.

5. Представить ли мне всю величину различия между воздержанием и невоз-

держностью? Но и она очевидна сама по себе и прекрасно известна из истории о праотце. Ибо настолько же разошлись³ между собою воздержание и невоздержание, как жизнь и смерть. Ведь если бы [праотец], проявив воздержание, отказался от древа, жил бы вечно; ныне же, плененный невоздержностью, осужден на смерть. И какой же человек, *хотяй живот, любяй дни видети благи* (Пс. 33, 13), — то есть те, что в раю, — не постыдится невоздержного жития, как причиняющего смерть, и не прильнет к воздержанию, как дарующему бессмертие? ...чтобы таким образом увлечь, как Ноя, человека неискушенного. Вам ведь известно, как он единственный пережил всемирное крушение, но, не удержавшись по неопытности от винопития, не сумел выплыть среди бури опьянения, но погрузился в пучину непристойности.

6. Умалчиваю я и о том, как Исав, побежденный чревом, продал многоценное первородство за чечевичную похлебку. Не будем ссылаться и на трех отроков, чьи тела пост и вскормил, и сохранил неприкосновенными для огня, словно камень пантарб⁴. Не безвестен вам и *муж желаний* (Дан. 9, 23), то есть величайший провидец Даниил, который и сам постился, и заставил поститься брошенных вместе с ним в ров чрезвычайно свирепых зверей, а также история о Моисее и разнужданном народе, который тот возглавлял, и о том, как первый, сделавшись легким от поста, возвысился до боговидения на Синае, второй же, предавшийся насыщению и отягощенный пьянством, был увлечен в идолопоклонство. И высек постник из камня данные свыше скрижали богочестия, внизу же упившийся народ изваял идола. Не познал он, как вол, создателя своего (Ис. 1, 3), но, словно обезумевшая телица, уклонился в многобожие, свойственное обитателям Египта и нильской долины. Вот почему и он подобно сим почитателям тельца Аписа⁵ поклонился литому тельцу.

7. Ибо к чему предлагать для сравнения великие деяния поста и скверные — чревоугодия, пытаясь таким образом от второго удалить, к первому же приблизить и привязать? Вы и сами не являетесь несведущими в таких вещах, поскольку, как говорится, с молоком матери впитали рассказы о посте и насытились Священным Писанием, которое устраивает для нас такую трапезу, или, лучше сказать, подобно кормилице, вскармливающей постом, словно молоком.

8. А вот что необходимо подробнее рассмотреть или, вернее, детально разобрать, так это то, что мы воздаем почести посту не ради него самого, подобно тому, как никакое другое орудие не приобретаетса само по себе. Ведь ни к клещи, ни весло, ни бурав, ни наковальня, ни ткацкий челнок, ни колесница не интересуют людей сами по себе, но для каких-то других целей, ради которых эти вещи и были созданы изначально. Если же исходные цели не достигаются, то и забота об орудиях не имеет смысла. Так и пост привлекает нас не сам по себе, но как помощник в достижении чего-то более важного. Об этом не следует забывать постнику, если он хочет достичь своей цели, а не просто *биться так, чтобы только бить*

воздух (1 Кор. 9, 26), и не просто подвизаться, но подвизаться законно, дабы быть увенчанным (2 Тим. 2, 5).

9. Целью же поста, ради которой он был установлен и окружен почетом, будет, если выразиться по-простому, очищение души, ибо Христос установил сии постные дни как бы в качестве некоего очищения от всякой скверны, приставшей к нам в течение всего года. Если же рассмотреть обстоятельно, то это угасание гнева, увядание похоти, смирение души, безоблачность ума, избавленного от производимых пищею испарений, а сверх всего — молитва, не смущаемая мечтаниями, которая, насколько возможно, освобождает прежде связанный ум и сочетает его с первоисточником.

10. В самом деле, что тебе за польза воздерживаться от животной пищи, но терпеть поражение от животных страстей, и, может быть, не вкушать вина, но от гнева быть по-иному пьяным, буйствовать и смущаться оком? Ибо сказано: *Горе вам, пьяные не от вина* (Ис. 28, 1)⁶, а также: *смятеса яростию око мое* (Пс. 30, 10). Не предавайся лихорадке гнева, воздерживаясь от заставляющей тело раздуваться пищи, и, смилив душу постом, не превозносись, подобно гордецам. Не превращай оружие спасения в источник гибели, чтобы не сделался чрезмерным грех, в котором такое благо, как пост, служит для созидания смерти. Пусть водянистое питье поможет тебе *угасить все раскаленные стрелы* врага (Еф. 6, 16); пусть то же самое лекарство иссушит в тебе яростное и страстное начала⁷, ум же, как бы орошенный трезвенным напитком, воспрянет и даст побегу. Скрамность же пищи для тебя пусть послужит начатком столь великих благ, а для бедняка — небольшим утешением в нужде, если, конечно, ему достанутся твои излишки и то, что превышает меру достаточного.

11. Если ради этого будем поститься, то не уклонимся далеко от цели поста и не уподобимся слепым лучникам, впустую напрягая тело голоданием, но стреляя мимо цели. Сверх того могу я назвать и иную цель, ради которой нам назначено поститься. К этому побуждает меня то, что время поста предшествует Воскресению.

12. Верно и то, что мы постимся ради владычных страстей, будь то для того, чтобы умереть и воскреснуть вместе с Христом, или чтобы, как подобает верным рабам, выразить скорбь о господних страданиях. Однако и это я не могу обойти молчанием, рассудив, что воскресение, как нам известно, есть возвращение к райскому житию, почему и назначено нам поститься перед воскресением, то есть возвращением к прежней жизни, чтобы мы, упражняясь в законах древнего жития и мало-помалу приближаясь к тому, чего лишились из-за своего сластолюбия, воздержанием вновь достигли того блаженства, которое утратили из-за неводержности, и тем самым оказались не вовсе неопытными в отеческих обычаях, но привычными к ним.

13. Ведь человек, который был угнан в земли иноплеменного народа и затем возвращается в свое отечество, старается отбросить иноземные нравы, приобре-

тенные на чужбине, припоминает позабытые им отеческие обычаи, переменяет даже свою одежду и образ питания, словно ему предстоит вновь родиться в качестве достойного гражданина, поскольку без этого он не может быть принят своими. Так и мы, сделавшись изгнанниками из Эдема, своего блаженного отечества, и рассчитывая вернуться туда посредством воскресения, пытаемся отказаться от употребления мяса, пьянства, невоздержности чрева, беспокойства о пропитании, то есть всего того, к чему привыкли в смертном и чуждом для нас краю, и заботимся о возвращении к законам Эдема и к изначально присущему нам благородству облика.

14. Там законом был пост, запрещались жертвоприношение животных и винопитие; потому-то и здесь нам полагается соблюдать всё это. Житие в Эдеме несуетно и обращено к одному Богу; таково же, насколько возможно, и здешнее пребывание во время поста. Праотец был там нагим, а мы с помощью поста придаем тонкость излишне дебелий плоти, чтобы по возможности совлечь с себя кожаные ризы⁸, в которые облачились, будучи изгнанными оттуда. Таким образом, пост есть руководство к высшему состоянию, так что и важнейшей его целью является, если в немногих словах обозреть многое, возвращение к той жизни, для которой мы были первоначально созданы. Ради этого возвращения мы избавляемся от родственного настоящему житию страстей и свыкаемся со страстями и смертью Господними, становясь, конечно, и причастниками Его воскресения, царства и божества.

15. Видите силу поста, видите, на какую высоту он возносит! Итак, примем с радостью пост, который служил стражем рая, доколе и праотец наш соблюдал его, и ныне способен возвратить в рай своих блюстителей. Если впадем во искушение, отразим искушающего постом, как и Владыка наш и Господь, постясь, победил искушителя, дабы явить нам путь к победе и подготовить к брани с лукавым. Если же будем жить без искушений, то обнаружим, что пост способствует соблюдению мирного состояния: ведь и Павел *усмирал и порабощал тело, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9, 27). Если же Павел, умерший для мира и для которого умер мир (Гал. 6, 14), Павел, в котором говорил Христос (2 Кор. 13, 3), словно бы устами усмиряет и порабощает свое богоносное тело, то в каком же усмирении нуждаемся мы, никогда не умерщвлявшие свои земные члены и не поработившие свои тела справедливости?

16. Итак, надлежит порабощать тело постом и умягчать дебелий плоти, которой и так предстоит истлеть: ведь *какая польза в крови моей, внегда сходити ми во истление* (Пс. 29, 10)? Конечно же никакой, кроме пищи для червей. Посему, утучняя тело, не сохраняй для червя то, что не можешь съесть, а когда пост лишает тебя излишеств, опять-таки не откладывай на будущее то, что не пригодилось чреву, но пусть эта пища утучнит жалкую трапезу бедняка. Не жалея крох, которыми у богачей питаются и собаки, но передай голодающему Лазарю. Отверзи руку твою для лежащего у ног твоих, чтобы не иметь нужды в прохлаждающем кончике перста

(Лк. 16, 24). Уступи голодающему ту часть регулярной дани чреву, которую берет время воздержания, наполни душу нуждающегося, сам постясь или питаясь с воздержанием. Ибо так ты будешь, добровольно нищенствуя, по мере возможности подражать уничижению Спасителя нашего, благодаря тому, что сегодня обогатишь нищего, сам добровольно голодая и ограничиваясь утоляя жажду водой, хлебом же и вином поддержишь того, кто был недавно снедаем голодом.

17. Ибо если отобранное постом у гортани не уйдет в желудки бедных⁹, но окажется сохранено для твоего наслаждения, то чем это отличается от ручья, который, задержавшись ненадолго, затем впадает в то же самое русло, но уже гораздо более мощным потоком? Да и наиболее низким и жалким из числа животных свойственно оставлять на будущее объедки, оставшиеся после насыщения. Они не уверены, что смогут легко добыть пропитание, почему и скрывают остатки пищи. Львы же, как только насытятся, уступают готовый стол всем желающим, полагаясь не столько на свою силу, сколько на *Дающего пищу всякой плоти* (Пс. 135, 25), как сказано: *скимни рыкающим восхитити и взыскати от Бога пищу себе* (Пс. 103, 21).

18. Итак, ты, созданный по образу Божию разумным и владыкой неразумных созданий, не обнаруживай, что превосходишь их мелочностью и скаредностью, но, как верный и разумный управитель того, что доверено тебе Богом, прояви справедливость, раздавая это поровну неимущим, и полагайся на будущее, как львы (*праведный* ведь *яко лев уповая* (Притч. 28, 1)). И тогда ты, не прилагая заботы, получишь свою ежедневную пищу свыше.

19. Так должно поступать, если ты, помимо необходимого, богат и тем, что служит к удовольствию и превышает меру достаточного. Если же тебе достался удел бедных и живущих в нужде, то и тогда не презирай поста, но охотно исполняй то, чему предавался по необходимости. Ведь голод и пост — вещи родственные, но первый неволен, а второй доброволен. Итак, преврати то, что было вынужденным, в предмет своего стремления, яви сегодня то, от чего недавно страдал. Вчера ты постился от недостатка, сегодня же постись ради воздержания, чтобы я мог увидеть в тебе не просто нищего, но нищего заповедью и духом, и не просто жалел тебя как жертву голода, но и прославлял как постника.

20. Я не желаю, чтобы ты уступал богачу победу в многоборье воздержания¹⁰, в котором ты долгое время упражнялся и состязался на многих олимпиадах, он же никогда не нисходил до него, или делал это редко. Но пусть бедняки, как опытные [атлеты], с радостью готовятся к ристалищу поста, а живущие в роскоши упражняются в нем в течение этих немногих дней. Ведь для того-то и воздерживались мы, как установлено, всю прошедшую неделю от мяса, чтобы, постепенно устраняя самые изысканные блюда и приучаясь к более неприхотливым, постепенно сделаться привычными к посту.

21. Итак, не будем превращать сей краткий период воздержания, установленный для приобретения привычки к голоданию, в повод для чревоугодия, торо-

пясь без всякой меры насыщаться из-за того, что вот-вот наступит пост и лишит чрево пищи. Ведь скотская это привычка — в преддверии поста с большей жадностью набрасываться на пищу. Овцы с приближением зимы становятся более жадными, как если бы они чувствовали грядущую нужду и потому запасали пищу на будущее; но мы, зная, с какой опаской или трудом другие переходят от крайней роскоши к крайнему голоданию, воспользуемся этими днями воздержания, словно неким мостом. Ибо они, составляя середину между насыщением и потом, препровождают от первого ко второму, позволяя сохранить равновесие.

22. Как сможем узреть царицу — пост, если оскорбим ее прислужницу — воздержание? Ибо воздержание предшествует посту, как невоздержанность — чревоугодию. Я знаю, что насыщение есть зима и ночь, которые обуревают наше несчастное тело и омрачают ум, тогда как голодание есть золотое лето и поистине ясный день, воздержание же — весна и утро, стоящие между двух крайностей. Так кто же, гнушаясь зимы и мрака и желая лета и полудня, не приветствует весну и утро, предтечи любезных благ?

23. И подобно тому, как ничто не может преобразиться из черного в белое либо в горячее из холодного, если вначале не приобретет серого или какого-либо иного из промежуточных цветов и не побывает теплым, так и нет иного способа постепенно перейти от насыщения пищей к посту, кроме как посредством воздержания. Ведь и эскулапы не вливают больному очистительное снадобье прежде, чем добьются похудания с помощью легких вин, уничтожающих влагу¹¹. Так и в святилища мы не входим, не ступив прежде в преддверие храма; да и в древности священники, входя сначала в так называемое святилище скинии, где находился стол хлебов предложения, таким образом попадали во вторую ее часть, святая святых, где были сосуд с манной и жертвенник воскурения¹².

24. Так и мы войдем сначала в святое воздержание, где чистый престол и предложение сухих хлебов, а затем в святая святых, то есть пост, где уже нет даже и предложения хлебов, но только манна, то есть хлеб ангельский, которым мы питаемся, постясь, и золотая кадиланица. Ведь без нее мы не сможем во время поста возносить благовонный фимиам молитв.

25. Но сказал я о молитвах и тотчас же вспомнил о болезни сего города, в которой вижу первопричину всех иных недугов, что уже давно ворвались сюда, а теперь, свирепствуя, стремятся стереть его с лица земли и привести к совершенной гибели. Что же это за болезнь? То, что вы не задерживаетесь в божественных храмах, не молитесь, не слушаете речений Духа, которые мы, служители алтаря, повторяем, как общее лекарство, чтобы каждый из приходящих слушателей мог получить снадобье, подходящее для его собственной язвы. Ни в настоящем прекраснейшем и небесном храме вы не собираетесь, ни в прочих не задерживаетесь или, вернее, насколько мне известно, вовсе туда не заходите. Оттого-то и впали вы во всякие безобразия, о которых время не позволяет сейчас говорить.

26. Или неизвестно вам, что Христос учредил в городах храмы как спаситель-

ные убежища¹³, общие лечебницы, безопасные гавани, места, где каждый грешник может искать милости? Или никто из вас не болен, не мучим никакой страстью, не застигнут бурей, не согрешил, и потому вы не нуждаетесь в милости, гавани, защите, лечебнице? Увы безрассудству или безразличию, увы той пропасти зла, в которую вы очевидным образом впали, ничуть о том не заботясь! Ведь иначе вы не подвергались бы добровольно тому наказанию, которое Бог назначает в качестве подходящей кары для величайших грешников: *Ходити по двору моему не приложите* (Ис. 1, 12). Да и аммонитянам и моавитам не полагается входить в божественный храм (2 Ездр. 23, 1).

27. Если б вы были уличены в человекоубийстве или застигнуты в блуде, то какое должны были бы понести от нас наказание? Ясно, что не иное, как это самое: изгнание из священной ограды и удаление от священного тайноводства. Итак, вы, добровольно претерпевая то, чему могли бы подвергнуться как некие злодеи и преступники, не сознаете сего, но сами себя отлучаете от божественного сообщества? Но храм Господень, о слушатели, есть наилучшее и подходящее местопребывание для всякого, плохо ли ему, или хорошо. *Злостраждет ли кто из вас — говорит великий Иаков, — пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы* (Иак. 5, 13).

28. Но как же вы будете молиться, не поднимаясь к святилищу? Как станете петь псалмы, не повинаясь Давиду, который требует: *Внидите во врата его во исповеданих, во двory его в пениих* (Пс. 99, 4), и *возмите жертвы и входите во двory его. Поклонитесь Господеву во дворе святем его* (Пс. 95, 8–9)? Как прославите Бога, не проводя время в божественном храме? Ведь *в храме его всякий глаголет славу* (Пс. 28, 9). Как достигнете умилоствления, не приближаясь к жертвеннику?

29. Известно мне, что каждый из вас сошлетя на разные причины (ведь всякий обвиняемый изобретателен в поиске оправданий), но, наверное, все вы совокупно будете винить непрестанную заботу о житейских делах. На это я могу возразить многое, но скажу сейчас лишь о том, что сей предлог не является благовидным и не способен избавить от вины и наказания. Христианин, пренебрегая Богом и погрешая в важнейших вопросах веры, оправдывается своими заботами? Так, значит, он не отвечает своему имени и более не является христианином. Ибо слышите, что говорит истинным христианам Павел: *жительство ваше — на небесах* (Флп. 3, 20). Итак, разве не лжет о своем призвании тот, кто должен был бы пожертвовать всю жизнь Богу и сожительствовать на небесах с ангелами, однако не может посвятить Ему хотя бы малого времени?

30. Но и по иной причине тщетно сие оправдание. Ибо от нас не требуется посвящать молитве всё время, хотя и к этому побуждает Павел, говоря: *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите* (1 Фес. 5, 16–18). Однако нам полагается приходить в божественные храмы не непрестанно, но на недолгие часы дня и ночи, в течение которых мы, собравшись, совершаем всенощное пение:

воздежите руки ваша во святая и благословите Господа (Пс. 133, 2). Уж в это-то время вы, очевидно, свободны от житейской тщеты.

31. Блаженный Давид, хотя и был он царем, на которого возлагалось управление величайшими делами, и хотя его разрывали на части тысячи забот, тем не менее считал селения Господни возлюбленными и, стремясь во дворы господни, говорил, что душа его скончается (Пс. 82, 2–3), а также: *изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих*. Называет он к тому же и причину этого: *Яко лучше день един во дворех твоих паче тысящ* (Пс. 83, 11) и *блажени живущии в дому твоём* (Пс. 83, 5). А также: *Едино просих от Господа, то възыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святыи его* (Пс. 26, 4).

32. Слышите глаголы боголюбивого мужа, который, любя Бога, любил и божественные селения, ибо не любящий дома Божия не любит и обитающего в нем Бога? И не один Давид столь привержен храму, песнопениям и псалмам, но и все святые наслаждались песнопениями и молитвами, в том числе и первая христианская церковь, возглавляемая апостолами, о чем узнаём мы из их деяний: *Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с женами и Марию, Материю Иисуса, и с братьями Его* (Деян. 1, 14). А немного спустя о трех тысячах уверовавших написано следующее: *И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах* (Деян. 2, 42).

33. Да и апостольское суждение о том, что не должно, *оставив слово Божие, пецись о столах*, но следует постоянно пребывать в молитве и служении слова оказалось угодным всему собранию (Деян. 6, 2–4). Итак, пусть и вам понравится наша речь, побуждающая к молитве; пусть каждый скажет вместе с Давидом: *Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдём* (Пс. 121, 1). Ибо если мы пойдём или, вернее, будем ходить в согласии в доме Бога нашего, то услышим глас Божий, а слушая божественные речения, просветимся светом ведения. Ведь *явление словес твоих просвещает и вразумляет младенцы* (Пс. 118, 130). *Еще на малое время сей свет есть с нами* (Ин. 12, 35); итак, будем ходить, пока имеем свет, чтобы не обняла нас тьма – а ходящий во тьме не знает, куда идет (1 Ин. 2, 11).

34. Но об этом довольно: ведь, как я полагаю, нет нужды в дополнительных словах, когда прекраснейший пост в первую очередь и главным образом влечет своих приверженцев к молитве, сближая их с Богом и приводя [к нему] от усердной заботы о теле и тщетного житейского блуждания. Ибо пост призывает воздерживаться не только от мяса и похлебки, но гораздо более от запечатленных в душе дурных состояний.

35. Если ты постишься, но завидуешь брату, клеветешь, осуждаешь, предаешься любостыжанию или несправедливо присваиваешь чужое, то послушай, что Бог говорит через Исаяю: *Не такового бо поста аз избрах, глаголет Господь: но разрешай всяк союз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний* (Ис. 58, 6). Если не хочешь дать частицу от своих трудов, то хотя бы не прикасайся к чужим: ведь

лично меня ненасытность большинства заставляет считать великим делом уже и то, если ты не будешь отнимать добро у бедных.

36. Итак, если не решаешься отдать свое, не присваивай имущество слабейших. Ведь я был бы доволен, если бы ты ничего не давал нищему, но и не *измождал* (Числ. 24, 8) несчастных. Не хочешь накормить [голодного]? Но не лишай его и последнего куска. Не отбирай у человека единственную одежду, если не научился одевать нагого. И, если не облегчаешь страданий бедности, то не прибавляй к ним еще более тяжких. Не обогащайся за счет бедного, тогда как должен нищенствовать духом. 37. Не выставляй бедняков своими обличителями на Страшном суде вместо того, чтобы научиться *приобретать себе друзей богатством неправедным* (Лк. 16, 9). Впрочем, Владыка Христос, отсылая достойных шуией части во огонь внешний, не говорит: «Вы отнимали у нищих пищу, питье и одежду», — но: «ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня..., был наг, и не одели Меня» (Мф. 25, 42–43).

38. Если же во уготованный диаволу огонь отсылаются не кормящие братьев во Христе, не поющие их и не одевающие, то чего же достойны те, которые не только не одевают, но и обнажают, и не только не кормят, но и отбирают куски нищенского хлеба или, лучше сказать, пожирают самого нищего? *Снедающими люди моя в снедь хлеба Господа не призваша* (Пс. 13, 4). А о том человеке, у которого *был хороший урожай в поле* (Мф. 12, 16), не написано, чтобы он обидел или притеснил кого-то, но что он хотел сломать свои житницы, построить бóльшие и сказать душе: «душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». И на это он услышал от Бога: «безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Мф. 12, 19–20).

39. И другой богач, который *одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно*, не в качестве обидчика предается пламени, но потому, что, наслаждаясь своими благами, не помиловал лежавшего у ворот Лазаря (Лк. 16, 19–20). Ведь богатый, если он и не творит несправедливость, явно отнимая чужое, то всё же несправедлив в том, что приобретает больше других, тогда как Бог желает равенства и узаконивает его.

40. И пусть сказанное не покажется странным: ведь Бог нелицеприятен и не является чьим-либо должником, чтобы одного награждать чем-либо, другому возвращать, а третьим пренебрегать. Всех Он сотворил из того же праха, всех почтил тем же образом, каждого поровну наделил тем же естеством, и не создал одного высшим, а другого низшим, одного благородным, а другого безродным. Но все сии виды неравенства суть призрачные забавы человеческого благополучия, и одни только добродетель и порок делают нас различными.

41. И тот поистине велик и по-хорошему хвалится, кто хвалится *еже разумети и знати Господа, и творити суд и правду посреде земли*; хвалящийся же богатством, премудростью или силою низок и безроден (1 Цар. 2, 10). Посему порок не только затворяет таковым уста, дабы пресечь их хвастовство, но и считает достойными

проклятия, говоря: *Приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли* (Ис. 26, 15). Итак, почему же ты желаешь иметь всё или большую часть, как если бы принадлежал к иной природе, намного превосходящей человеческую, и гоняешься за теми вещами, которыми Бог по благодати своей назначил владеть всем людям сообща, как будто можешь присвоить всё себе?

42. *Господня земля, и исполнение ея* (Пс. 23, 1). *Господь прозябает траву скотом, и злак на службу человеком* (Пс. 103, 14). *Господь отверзает руку Свою и исполняет всякое животное благоволения* (Пс. 144, 16). Он сообщает земле богатство, орошая ее дождем, согревая солнцем, заставляя ее родить. К тому же *мое серебро и мое золото, глаголет Бог* (Агг. 2, 8). Итак, всё принадлежит Богу и имеется в таком изобилии, чтобы все могли наслаждаться благами Божиими.

43. Итак, почему же ты, любостяжатель, стремишься присвоить общее сокровище и захватить принадлежащее многим? Скажи мне. Может быть, оно досталось тебе от отца? Значит, ты получил в качестве отцовского наследия любостяжание. Ведь как бы могли твои родители оказаться богаче других, если бы не желали иметь больше? Посему ты, продолжая питаться чужим, либо исполняешь меру своих отцов, либо сам добровольно выбрал свой жребий. Итак, ты расписываешься в несправедливости и из нее выводешь собственное любостяжание.

44. Но ты скажешь, что имеешь сие от Бога? Допустим такое, если хочешь: пусть оно будет дано тебе Богом. Но объясни, какова же причина? Если ты, как праведный муж, принял здешнее благополучие от Бога в качестве залога будущих благ, то и я желал бы сего и не замедлю причислить тебя к получившим богатство от Бога, каков Авраам, каковы Иов и Давид, которые, взыскав Царства небесного, получили вдобавок и всё земное. Сказано ведь о муже, боящемся Господа: *слава и богатство в дому его* (Иов III, 3).

45. Если же тебе ради домостроительства доверено распоряжаться всем этим, то остерегайся, чтобы не быть избличенным в качестве дурного, а не верного управителя порученного, а затем и пытаться угодить Богу подобно тем любостяжателям, которые, приумножив свое имущество за счет захваченного, говорили: «*благословен Господь, и обогатихомся*» (Зах. II, 5), полагая, что Господь будет им подобен в беззаконии. Не окажись и тем рабом, *которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время*, он же, как не благообразный, но злой раб, говорит: «*Не скоро придет господин мой*», — и бьет товарищей своих и ест и пьет с пьяницами (Мф. 24, 45–49), чье ужасное рассечение надвое известно тебе из евангельских чтений. А избежать его ты сможешь не иначе, как принимая и угощая Христа, то есть нищего, если, подобно Закхею, *половину имения своего отдашь нищим, и, если кого чем обидел, воздашь вчетверо* (Лк. 19, 8). А для этого невозможно сыскать лучшего времени, нежели настоящее.

46. *Теперь время благоприятное, теперь день спасения* (2 Кор. 6, 2), то есть время поста, который, если сочетать его с милостью, способен очистить от любого греха. Отрекись от преходящего, чтобы принять вечное, приобрети вместо на-

стоящего грядущее. Не далеко смерть, но, как вор, подстерегающий в ночи, всегда рядом. Вдруг окажется подкопанной храмина тела и падет наземь, ибо из земли она создана и в нее возвратится (Быт. 3, 19); а душа в тот же миг, лишенная всего, улетит прочь, чтобы дать ответ за содеянное зло.

47. Теперь можно достичь лица Божия через исповедь; немного спустя уже не будет исповеди, но страшное ожидание суда и ярость огня, который должен поглотить нас. Пройти через него или вовсе его избежать можно, если подражать тем блаженным трем отрокам. Подражать же им станем, во-первых, если, обходясь, как они, легкой пищей и целомудренным питием, не будем чтить желудок, подобно тем, чей бог — *чрево* (Флп. 3, 19), и, во-вторых, не будем поклоняться переходящей материи, как и они не поклонились истукану из золота и серебра, и не впадем в идолопоклонство из любви к золоту. Ведь как *идоли язык серебро и золото* (Пс. 134, 15), а идолопоклонники служили серебру и золоту, так и наоборот, помешанные на золоте поклоняются идолу, золото обожествляя. Итак, понятно, почему великий апостол назвал идолослужением и любостяжание (Кол. 3, 5).

48. Таким образом, ныне *Господу Богу поклоняясь и Ему одному служа* (Мф. 4, 10), окажемся сильнее грядущего огня и сделаемся причастниками Царствия небесного.

49. Вот, о христоролюбивый наш жребий, о удел Христов и избранный народ Божий, начатки наших речей, которые мы приготовили для вас, будучи назначены духом на должность вашего наставника. Не честолюбивы они, не торжественны, не достойны общего внимания, но скромны и невзыскательны, отвечая вашей непривычности к речам и деревенской грубости города.

50. О град Афины, кормилица премудрости! Когда тобой овладело невежество? Упражнялся я в размышлениях и изощрялся в красноречии, готовясь к встрече со слушателями — потомками тех афинян, которые некогда, страдая от жесточайшего голода, не пожелали одолжиться у некоего мужа состоятельного, но невежественного, который на варварский манер произнес вопреки правилам грамматики: «Я вам займу, мужи афиняне»¹⁴. Они предпочли умереть от голода, но не брать в долг у человека косноязычного, поскольку не в обычае у них было получать пропитание от говорящих по-варварски.

51. Во каковы были те любители красноречия, чьих потомков я надеялся найти в своих слушателях. Старался я упражняться как можно больше, понуждая себя к речам более мудрым, нежели изысканным, опасаясь, что могу показаться недостойным того, чтобы питать такой город речами. Но я обманулся в своих надеждах и ожидания мои не сбылись. Ведь недавно, обратившись к вам с неким наспех набросанным приветствием, составленным без всяких излишеств и честолюбия, я, однако, выглядел так, как будто не говорил нечто осмысленное или хотя бы понятное, но изъяснялся на персидском или скифском наречии.

52. Потому-то теперь я не только совершенно ослабил силу мыслей, но и повредил гармонии рассуждения, беседа с вами столь просто и понятно, предла-

гая вам молотую пищу или, вернее, кормя грудью, как кормилицы — детей. Как Павел коринфянин, я питал вас молоком (1 Кор. 3, 2), а, по словам того же апостола всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены (Евр. 5, 13–14). Если же вы приобретете рвение к слову и добродетели, тогда и мы проявим большее усердие к совершенству, вспомоществованием Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, переменяющего наши дела к лучшему. Ему же слава со Отцом и Пресвятым Его Духом во веки веков. Аминь.

Комментарии

¹ Данное известие восходит к роману Флавия Филострата «Жизнь Аполония Тианского» (Philostr. Vita Apoll. III, 57) и содержится также в выписках из этого сочинения, вошедших в состав «Библиотеки» Фотия [*Photius. Bibliothèque / Ed. R. Henry. Vol. 1–8. Paris, 1959–1977. Cod. 241, p. 327b Bekker*]. Как видно из нижеследующей таблицы, Михаил Хониат слегка распространяет текст своего первоисточника, в то же время сохраняя ряд характерных оборотов речи:

Philostr. Vita Apoll. III, 57	ΜΑ. Τ. Α'. Σελ. 107
τὸ δὲ ἐντεῦθεν θηριώδη μὲν τὴν θάλατταν εἶναι πᾶσαν, ἀγελάζεσθαι δὲ ἐν αὐτῇ τὰ κήτη, τὰς δὲ ναῦς ἔρυμα τοῦτου κωδωνοφορεῖν κατὰ πρύμναν τε καὶ πῶραν, τὴν δὲ ἡχῶ ἐκπλήττειν τὰ θηρία, καὶ μὴ ἔαν ἐμπελάζειν ταῖς ναυσί.	Τοὺς τὰ θηριώδη μέρη τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης κατ' ἐμπορίαν πλέοντας κωδωνοφορεῖν φασι κατὰ τε πρύμνας καὶ πῶρας, ἔρυμα τοῦτο μηχανωμένους τῶν ὀλκάδων καὶ αὐτῶν φυλακτῆριον, τὰ γὰρ ἐμβοσκόμενα τῇ θαλάττῃ κήτη τὴν ἡχῶ τῶν κωδῶνων ἐκπλήττειν καὶ μὴ ταῖς ναυσὶν ἐγχρίπτειν ἔαν.

Сравнение показывает также, что источником Афинского митрополита должно было послужить именно сочинение Флавия Филострата, поскольку Фотий обрывает цитирование соответствующего пассажа на словах ἐκπλήττειν τὰ θηρία.

² Тирренская труба, или тирренский колокол — инструмент, упоминаемый античными трагиками [Aesch. Eumenides 567–8, Soph. Ajas 17; Eur. Rhesus 988–999; Eur. Heraclidae 830–831].

³ В оригинале стоит форма двойственного числа διαστήτην, употребление которой отсылает образованного читателя к зачину «Илиады» Гомера [Hom. II, I, 6], где именно эта форма используется для характеристики противостояния между «воздвигшими спор» Агамемноном и Ахиллом.

⁴ Первое упоминание о камне пантарбе (буквально «всех пугающий») встречается у Флавия Филострата в «Жизни Аполония Тианского» [Philostr. Vita Apoll. III, 46]. В дальнейшем тема чудесного камня получила развитие в «Эфиопике» Гелиодора, где ему приписывается свойство защищать своего обладателя от огня.

⁵ Апис — бык черной масти, содержащийся в Мемфисе и пользовавшийся почитанием древних египтян (подробнее о его культе см. напр.: Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 14–16). Множество упоминание об Аписе содержится

в памятниках античной литературы, начиная с исторического сочинения Геродота [Herod. Hist. II, 153; III, 27–29, 33, 64].

⁶ Приведенная проповедником цитата (греч. οὐαὶ οἱ μεθύοντες οὐκ ἀπὸ οἴνου) неточна. Ближайшими ее аналогами в греческой Септуагинте являются стихи Ис. 29, 9 («Изумляйтесь и ужасайтесь; упивайтесь, но не сикерой и не вином»; греч. ἐκλύθητε καὶ ἔχστητε καὶ κραίπαλήσατε οὐκ ἀπὸ σικερα οὐδὲ ἀπὸ οἴνου) и Ис. 51, 21 («Посему слушай, смиренный и упившийся не вином»; эти слова обращены к Иерусалиму, поэтому в греческом тексте используется женский род: διὰ τοῦτο ἄκουε τεταπεινωμένη καὶ μεθύουσα οὐκ ἀπὸ οἴνου). Тем не менее, именно в том виде, что и у Михаила Хониата, данное высказывание встречается в ряде святоотеческих сочинений, в том числе в двух гомилиях о посте, из которых одна принадлежит Василию Великому [PG. T. 31. Col. 181], а другая приписывается Иоанну Златоусту [PG. T. 61. Col. 790].

⁷ Типичная для поучений Михаила Хониата отсылка к усвоенному православной аскетической традицией платоновскому учению о тройственности человеческой души, состоящей из разумного (λογιστικόν), яростного (θυμοειδές) и страстного (ἐπιθυμητικόν) начал.

⁸ Отсылка к Быт. 3, 21, где говорится, что Господь после грехопадения Адама и Евы сделал для них «кожаные одежды».

⁹ В оригинале игра слов. Призывая обеспеченных слушателей отказаться от роскошных яств в пользу бедняков, проповедник пытается провести параллель между такого рода «добровольным ниществом» и самоуничижением (кеносис), которое по учению христианской Церкви претерпел Христос, восприняв человеческую природу (о понятии кеносиса см. в частности: Э.П.Б., Квливидзе Н.В. Иисус Христос // ПЭ. Т. 21. С. 674–713). Именно поэтому, утверждая, что излишки пищи должны уйти в пользу неимущих, Афинский митрополит использует глагол κενόω, означающий не только «уничижать», но и «опустошать», а также «расходовать».

¹⁰ В оригинале игра слов, основанная на созвучии терминов ἐγκράτεια («воздержание») и παγκράτιον (состяжание в борьбе и кулачном бое).

¹¹ О том, что очищению организма должно предшествовать избавление от излишней влаги, пишет в частности Гален: *Galenus*. In Hippocratis aphorismos commentarii VII // Claudii Galeni opera omnia / Ed. C.G. Kühn. Leipzig, 1829 (Repr. 1965). Т. 17b. P. 465.

¹² Михаил Хониат неточно передает смысл библейского текста: согласно Исх. 30, 6 жертвенник воскурения должен был находиться в Святилище, т. е. за пределами Святой святых.

¹³ В оригинале плеонастическое выражение κρησφύγετα ἄσυλα, в котором совмещаются два слова, обозначающих убежище. На их синонимичность указывает грамматик II в. Юлий Полидевк [Pollucis onomasticon / Ed. E. Bethe. Vol. 1–2. Leipzig, 1900–1931 (Repr. 1967). I, 7]; не исключено, что его сочинение как раз и послужило источником данного пассажа, поскольку является единственным в античной литературе, где оба термина употреблены в одном предложении.

¹⁴ В оригинале грамматическая ошибка незадачливого богатея состояла в том, что он образовал от глагола δανείζω («одалживать») будущее время δανειῶ вместо правильного δανείσω. О происхождении данного анекдота, сохранившегося в сочинениях средневековых лексикографов [Das attizistische Lexikon des Oros / Ed. K. Alpers.

B., 1981 [Sammlung griechischer und lateinischer Grammatiker 4]. Fr. 79; Φωτίου τοῦ πατριάρχου λέξεων συναγωγή. Pts. 1–2 / Ed. R. Porson. Cambridge, 1822. P. 85; Suidae lexicon / Ed. A. Adler. Vol. 1–4. Leipzig, 1928–1935 (repr. 1967–1971). Θ 242], см.: *Naber S.A.* Observationes miscellaneae ad Plutarchi Moralia // *Mnemosyne: Bibliotheca philologica Batava*. 1900. Vol. 28. P. 108.